

**СБОРНИК
В ЧЕСТЬ
В. К. ЗИБОРОВА**

**Опыты по источниковедению
Выпуск 5**

**Скрипториум
Санкт-Петербург
2017**

УДК 930.2

ББК 63. 2

Редакционная коллегия:

Д. М. Буланин, А. А. Романова, А. В. Сиренов,
М. Ф. Флоринский, В. В. Яковлев

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Ю. Г. Алексеев (СПбГУ),
доктор исторических наук Н. Ю. Бубнов (БАН)

Выпускающий редактор Т. В. Вольская
Художественный редактор Н. И. Баранов

Сборник в честь В. К. Зиборова. (Опыты по источниковедению. Вып. 5). СПб.: Скрипториум, 2017. — 416 с.

В сборник, посвященный 70-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора института истории СПбГУ В. К. Зиборова, вошли воспоминания о юбиляре, а также статьи, посвященные рассмотрению различных вопросов, связанных с изучением древнерусской книжности и отечественной истории. Ряд статей сопровождается публикацией документов и материалов из архивов и рукописных собраний крупнейших библиотек России.

ISBN 978-5-905011-15-3

© Коллектив авторов (текст), 2017

© Скрипториум, 2017

Земский двор в 1565–1572 годах*

Раздел Русского государства в феврале 1565 года на две части: опричнину, царский удел, и земщину, общегосударственную половину — произошел не только на поземельном, но и на управленческом уровне¹. Единая Боярская дума оказалась поделена на земскую и опричную, войско на земские и опричные полки, приказы на земские и опричные, Государев двор, высшее объединение служилых людей по «отечеству» — на земский и опричный. Изучение Земского двора в правление Ивана IV Васильевича — одна из наименее исследованных тем российской историографии. Отечественные историки (В. Б. Кобрин, А. А. Зимин, Р. Г. Скрынников, А. Л. Станиславский, А. П. Павлов и др.) затрагивали эту важную тему, но она не стала объектом специального исследования. Ученица А. А. Зимина С. С. Печуро лишь отчасти рассмотрела Земский двор периода опричины (1565–1572 годы), но с момента публикации ее статьи прошло более 40 лет². Тема исследования Земского двора актуальна в связи с необходимостью более тщательного изучения преобразований, проводившихся в Русском государстве после разделения на опричнину и земщину, а с 1572 года на «особый двор» и земщину с их особыми функциями, территорией, штатом управления. Изучение персонального состава и эволюции Земского двора, выяснение круга лиц, в чьих руках находилась реальная власть, поможет раскрыть особенности политического строя Русского государства, внутренней политики, общего хода государственного развития во второй период правления Ивана IV в 1565–1584 годах. Через изучение персонального состава, структуры, земельного обеспечения, изменений в эволюции Земского двора станет возможным с новых позиций рассмотреть состав, структуру, преобразования, коснувшиеся Опричного и Особого дворов Ивана Грозного, раскрыть общий вектор развития

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ проект № 16-01-12013в «Правящая элита Русского государства в правление Ивана Грозного: электронная база данных и историческое исследование».

царского двора в опричный и послеопричный периоды. Нижней хронологической гранью выбран февраль 1565 года как время начала опричной политики, разделения государства на опричнину (царскую, особую территорию с определенным аппаратом управления и штатом служащих) и земщину (общегосударственную часть). Верхняя грань, конец 1572 года — это время ликвидации опричнины, прекращение существования Опричного двора Ивана Грозного. По мнению большинства исследователей, опричнина была ликвидирована примерно осенью (в ноябре) 1572 года³. Вместе с отменой опричнины исчез Опричный двор.

По итогам дипломного сочинения в МГИАИ С. С. Печуро опубликовала статью, где были сформулированы основные вопросы в изучении Земского двора и очерчен круг источников, в которых содержатся сведения о земцах (это преимущественно разрядные книги Официальной, Частной (Пространной) и Сокращенной редакций)⁴. С. С. Печуро восстановила состав земской Боярской думы в годы опричнины (отталкиваясь от работы А. А. Зимина «Состав Боярской думы в XV–XVI вв.»), подсчитала общее количество «земщиков» (510 человек). На основании Тысячной книги и Дворовой тетради 1550-х годов исследовательница определила территориальную принадлежность большинства земских дворовых и сделала вывод о том, что «большинство деятелей земщины происходило из городов, оставшихся в земщине»⁵. По мнению С. С. Печуро, земские дворовые и опричники сильно различались как по имущественному положению, так и по характеру землевладения, в состав земщины входило значительно больше удельных князей, чем в Опричный двор, что «очевидно, зависело от явной противоудельной направленности опричной политики Ивана Грозного»⁶. Несмотря на положительные моменты в публикации С. С. Печуро были допущены некоторые промахи. Круг источников для подсчета земских дворовых следовало расширить за счет привлечения не только разрядных, но и посольских книг (в том числе и неопубликованных польско-литовских, крымских, датских, турецких), писцовых книг (использовать сведения о писцовых комиссиях в годы опричнины), летописных материалов. Кажется крайне заниженной не только общая цифра «земщиков», но и состав земской Боярской думы (всего 25 бояр и 5 окольничих). Кроме того, не подверглось тщательному изучению землевладение (в первую очередь вотчинное) земских деятелей в годы опричнины. Тысячная книга и Дворовая тетрадь зафиксировали состояние недвижимого фонда на 1550-е — первую половину 1560-х годов.

В дальнейшем произошла коренная ломка сложившихся земельных традиций, не получившая отражение в публикации С. С. Печуро. Не были специально рассмотрены брачные и семейные связи внутри земщины, родственные отношения, связывавшие многих опричных, дворовых и земских представителей двора. Наконец, за рамки исследования выпал Земский двор после 1572 года.

Отдельные стороны земщины, земского двора затронули в своих исследованиях В. Б. Кобрин, А. А. Зимин, Р. Г. Скрынников и другие ученые.

В. Б. Кобрин впервые в литературе сравнил выявленных им опричников (277 лиц) с земскими деятелями, восстановил состав Земской думы («земских думных людей» в количестве 43 человек), земского руководства (209 человек). Сравнение было проведено по следующим параметрам: дата первого упоминания в разрядных книгах, упоминания в Тысячной книге и Дворовой тетради, время пожалования думным чином. В результате ученый пришел к заключению, что в земщине было несколько больше лиц, ранее связанных с Государевым двором, чем в опричнине, что низшие слои двора были представлены в опричнине шире, чем в земщине и что Боярская дума в опричнине была в значительной степени набрана заново (поскольку только девять человек из опричнины попали в Думу до 1565 года)⁷. Изучив состав лиц, приглашенных на Земский собор в конце июня 1566 года, сравнив их с именами поручителей по князю И. П. Охлябину и З. И. Очину-Плещееву (вероятными опричниками), В. Б. Кобрин вслед за Л. М. Сухотиным пришел к выводу, что в соборных совещаниях участвовали земские люди, а опричники отсутствовали⁸.

Однако А. А. Зимин усомнился в этом и допускал присутствие на Соборе носителей думных чинов, служилых людей и дьяков «государева двора»⁹. Исследователь сделал важные наблюдения над изменениями состава Земской думы в опричные годы, придя к выводу, что «опричная дума была не менее аристократичной, чем земская» (в отличие от В. Б. Кобрин А. А. Зимин исключал из опричной Боярской думы думных дворян, кравчего и оружничего)¹⁰. Ссылаясь на шведские дипломатические документы, А. А. Зимин писал, что татарский царевич Михаил Кайбулович возглавлял земскую Боярскую думу¹¹.

Исследователь обратил внимание на функционирование в земщине исполнительно-распорядительных учреждений (всех основных приказов, а также Земского двора, полицейского ведомства в

Москве). Единственным из приказов (не считая дворцовых), перешедшим в опричнину, была Четверть, находившаяся в компетенции четвертного дьяка¹². А. А. Зимин указывал на специфику поручной записи от апреля 1566 года по князю И. М. Воротыньскому, взятой у лиц в земщине¹³.

О выступлении участников Земского собора за отмену опричнины в конце 1566 — начале 1567 года, опираясь на записи А. Шлихтинга и Андрея Курбского¹⁴, писали П. А. Садиков, А. А. Зимин, Р. Г. Скрынников, Б. Н. Флоря¹⁵. Выступление против опричных порядков считал недоказанным немецкий историк Х.-Й. Торке¹⁶. Р. Г. Скрынников связывал выступление земской фронды с именами И. П. Федорова и князя И. И. Пронского, которые ее возглавляли и были казнены в 1568–1569 годах. И. П. Федоров, боярин и конюший, руководитель Конюшенного приказа, был одним из руководителей земщины¹⁷.

С. Н. Богатырев, автор исследования о Ближней царской думе в середине — третьей четверти XVI в., полагает, что с разделением государства на земщину и опричнину Ближняя дума не испытала расчленения¹⁸. Историк, ссылаясь на В. О. Ключевского, допускает, что крещеный татарский хан Симеон Касаевич был главой земщины¹⁹.

Вопросами местного управления, взаимоотношениями опричных властей с земскими мирами в годы опричнины, деятельностью земских приказов, институтом посланников в настоящее время плодотворно занимается В. А. Аракчеев²⁰.

Несмотря на значительное количество исследований, затрагивающих вопросы формирования и состава Земского двора, эта тема нуждается в дальнейшей разработке. Требуется более тщательно рассмотреть персональный состав Земского двора, привлечь максимально полный круг источников, введенных в последнее время в научный оборот. Необходимо восстановить земскую Боярскую думу, показать в динамике развитие Земского двора в опричный период.

Один из важных для исследования вопросов — это реконструкция источниковой базы с целью анализа Земского двора. Благодаря работам В. Б. Кобринина нам известны имена деятелей Опричного двора. Методом простого исключения (те дворовые, кто не был в 1565–1572 годах опричниками, предположительно являлись земцами) можно отыскать имена воевод, голов в полках, сеунчей, послов и посланников в иностранные государства, приставов у иностранных послов и гонцов, участников посольских церемоний, писцов различных уездов, дьяков приказов, входивших в изучаемый период в

земщину. Главным источником о составе двора являются боярские списки. Однако они в более-менее полном объеме сохранились, лишь начиная с 1577 года²¹. Что касается разрядных, посольских, писцовых книг, то они сохранились до нас не в полном объеме, со множеством лакун. Поэтому следует привлечь дополнительные косвенные источники о служилых людях в земщине. Нами был подробно изучен доопричный двор Ивана Грозного в 1550–1565 годах, собраны подробные сведения о службах феодалов, проведен анализ их территориальной принадлежности²². Р. Г. Скрынниковым был реконструирован состав казенных в период опричнины по монастырским синодикам. Даже имея лакуны в сведениях о службе представителей придворной элиты после 1565 года, но зная время их гибели в 1560–1570-е годы, можно предполагать продолжение ими служебной карьеры в опричный период и допускать принадлежность к земщине (если не установлены факты службы в Опричном корпусе). Данная методика предоставляет дополнительную возможность подсчитать и общее количество казенных земских деятелей.

Кроме сведений из синодиков казенных в опричнине целесообразно привлечь информацию из синодиков-помянников о русских воинах, павших на поле брани в 1560–1570-е годы. Предположим, мы располагаем фактами службы феодала до 1565 года, затем данные отсутствуют. Но есть упоминание о гибели представителя двора во время нашествия хана Девлет-Гирея на Москву в мае 1571 года либо в битве под Венденом в октябре 1578 года. Следовательно, можно утверждать, что дворовый продолжал выполнять служебные обязанности в период, о котором у нас не сохранилось сведений. Раз его нет среди опричников, значит, он принадлежал к земщине. Нужно иметь в виду, что в синодики-помянники попадали не только дворовые, но и городовые дети боярские. Служебный статус записанного лица необходимо проверять во взаимосвязи с другими сохранившимися документами, методом перекрестного анализа источников.

Следует согласиться с предположением В. Б. Кобринина о принадлежности к Земскому двору участников Земского собора, проходившего в Москве в конце июня — начале июля 1566 года. Среди приглашенных были не только бояре, окольничие, казначеи, дьяки, но и дворяне первой и второй статей, торопецкие помещики²³.

Еще одним важным источником, ранее недостаточно привлекавшимся учеными для восстановления земщины, являются поручные записи по опальным вельможам. Г. Н. Бибииков, а за ним

В. Б. Кобрин высказали предположение об опричном характере крестоцеловальных записей 1565/1566 годов по князю И. П. Охлябинину и З. И. Очину-Плещееву²⁴. Можно полагать, что подобные им крестоцеловальные записи составлялись и в земщине. Мы располагаем следующими записями: поручной записью по Л. А. Салтыкову с детьми (1564/1565), поручительством по князю В. С. Серебряному с сыном (1564/1565), по И. П. Яковлеву (около 28 марта 1565 года), по князю М. И. Воротынскому (от 12 апреля 1566 года), по князю И. Ф. Мстиславскому (от 24 мая — 31 августа 1571 года)²⁵. С датировкой первых двух записей многое неясно. По мнению Р. Г. Скрынникова, они были составлены сразу после введения опричнины, в феврале 1565 года²⁶. Князь В. С. Серебряный, арестованный по подозрению в измене, пробыл под арестом недолго. Из его биографии видно, что в октябре 1564 года в разряде похода из Великих Лук на Озерище он стоял во главе полка правой руки. В мае 1565 года князь Серебряный командовал полком левой руки в Коломне. В сентябре 1565 года опять был здесь воеводой. В 1566/1567 годах в войске в Коломне находился во главе сторожевого полка²⁷. На Земском соборе в конце июня 1566 года воевода упомянут в числе бояр²⁸. Арест мог произойти в период между сентябрем 1565 года и июнем 1566 года. О Л. А. Салтыкове Р. Г. Скрынников писал, что вследствие опалы он утратил чин оружничего, доставшийся опричнику князю А. И. Вяземскому. В карьере Салтыкова есть большой временной разрыв между 1564 и 1567 годом. В 1564 году он был послан «в прибавку» воеводой в Полоцк. В сентябре 1567 года стоял воеводой в Смоленске. В октябре 1567 года Салтыков должен были идти из Смоленска в Великие Луки. Тогда же он принял участие в военном совете с царем на Ршанском яме²⁹. Что касается князя А. И. Вяземского, то в источниках он впервые назван оружничим в июне-сентябре 1566 года³⁰. Вероятно, поручная запись по Салтыкову возникла до июня 1566 года, когда чин оружничего достался Вяземскому. Скорее всего, записи по князю Серебряному и Салтыкову появились в самом начале опричнины, еще до появления Опричного двора, поэтому фигурировавших в них поручителей вряд ли следует причислять к земцам. Зато крестоцеловальная запись князей и детей боярских по И. П. Яковлеву пришлась на самый разгар опричных порядков. Видимо, неслучайно, что в этом документе впервые появилось указание на земельную принадлежность служилых людей: вязьмичи, рязанцы, суздальцы, туляне и т. д. Иногда просто указано, в каком уезде у записанного находилось

поместье либо вотчина, с которой он нес службу³¹. Поручная запись составлялась в период массовых переселений, и в быстро меняющемся мире подьячим было важно успеть зафиксировать место службы дворового. Подобная практика приписки помет применялась и при изготовлении других поручных записей в апреле 1566 года, в 1571 году.

Наиболее вероятно принадлежность к земщине поручителей в записях, начиная с марта 1565 года. Сравнение их имен с реконструированным В. Б. Кобриным Опричным двором показывает, что никто из них не был к моменту фиксации в документе опричником. Любопытно, что некоторые из земских поручителей вскоре попали в опричнину. Например, Н. В. Хитрово в марте 1565 года был поручителем по И. П. Яковлеву, а уже в 1566 году поручился с другими опричниками по князю И. П. Охлябину и З. И. Очину-Плещееву³². Ф. С. Черемисин в марте 1565 года поручался по И. П. Яковлеву, в апреле 1566 года по князю М. И. Воротынскому, а уже в мае 1566 года возвращал из Казанской ссылки опальных ярославских князей, то есть, по мнению В. Б. Кобрина, вошел в опричнину³³.

Мы не можем причислить всех поручителей 1565–1571 годов (всего около 570 человек) к Земскому двору, поскольку в поручные вносили не только членов двора, но и городских детей боярских, несших службу в составе уездных корпораций. Среди записанных лиц можно встретить митрополичьих дьяков Н. А. Парфеньева и И. А. Царегородцева³⁴. Митрополичьими детьми боярскими являлись И. К. Шемякин, В. А. и Ш. А. Вяткины, Ф. М. Дроздов³⁵. Для того чтобы установить дворовый статус поручников, необходимо дополнительно собрать сведения об их службе за 1550 — первую половину 1560-х годов.

В результате проведенной реконструкции состава Земского двора нами было выявлено не менее 832 дворовых и 127 дьяков, принадлежавших к земщине, установлены факты их службы в земщине³⁶. Правда, в разрядах в декабре 1572 года впервые встречается 36 имен (преимущественно рынд, поддатней у рынд, голов³⁷), которые участвовали в походе на крепость Пайду³⁸. Это было переходное время, когда опричнина была отменена, Опричный двор, видимо, прекратил свое существование, но происходил переход к Особому двору. Этих лиц мы с определенной долей условности относим к земским представителям двора, поскольку, во-первых, они не были опричниками, во-вторых, сведения об их предшествующей служебной деятельности могли не сохраниться по

причине фрагментарности дошедших до нас документов, в-третьих, многие их родственники известны как земские деятели. Реальная численность Земского двора в начале 1565 года, скорее всего, приближалась к цифре в одну тысячу человек³⁹. По свидетельству Никонской летописи, государь включил в число опричников «князей и дворян и детей боярских дворовых и городовых 1000 голов»⁴⁰. Вероятно, главная цель упоминания в тексте указа цифры в 1000 опричников состояла в том, чтобы противопоставить Земский двор Опричному двору.

Известно, что в земщине были представлены не только дворовые, но также и городовые дети боярские, дворцовые слуги. В редких случаях мы знаем их имена. Весной-летом 1569 года в Вологде были «отделаны» «нижегородцы из земского» Иван и Третьяк Сидоровы, Данила Айгустов⁴¹. О путном ключнике Сытного дворца Меншике Недюреве в книге раздачи денежного жалования марта 1573 года говорилось, что «государева ему жалования было в земском 50 рублей, а в опричнине ему оклад не бывал»⁴².

Правительство целенаправленно отделяло земцев от опричников и, очевидно, не стремилось переводить представителей Земского двора в Опричный корпус, смешивать опричных и бывших земских слуг. Это правило нарушалось в исключительных случаях, за особые заслуги и личную преданность государю со стороны феодала. Из 959 земцев опричниками стало впоследствии только 45 человек (41 дворовый⁴³ и 4 дьяка⁴⁴), то есть не более 5%. В первую очередь в опричную гвардию могли включить лиц знатного происхождения и их родственников (детей, родных братьев). Из земских бояр опричными боярами впоследствии стали Ф. И. Умной-Колычев, князь П. Д. Пронский, Л. А. Салтыков, И. Я. Чеботов, князь И. А. Шуйский, из земских окольничих — Н. В. Борисов-Бороздин, Д. А. Бутурлин, В. И. Умной-Колычев⁴⁵. В Опричном корпусе находим родственников думцев: Г. Н. Борисова-Бороздина, Р. Д. Бутурлина, князя С. Д. Пронского.

Казни в период опричнины и в первые годы после ее ликвидации были направлены против представителей Земского двора. Об этом говорят цифры. Из 832 земцев 147 человек были казнены, трое насильственно пострижены в монахи, что составляет около 18% от общего числа. Было казнено 27 дьяков (21%). Всего из 959 земцев было истреблено 177 лиц (18,5% от общего числа), то есть одна пятая часть⁴⁶. Из 35 земских бояр 13 было убито⁴⁷, трое насильственно пострижены в монахи⁴⁸, из 13 окольничих пятеро было казнено⁴⁹, из

трех казначеев двое убито⁵⁰, из двух печатников один казнен⁵¹, погибли оба кравчих⁵², из 127 дьяков 27 было физически уничтожено⁵³.

Автор ранее уже выдвигал предположение, согласно которому царские казни периода опричнины были направлены против представителей Государева двора середины XVI в., созданного Тысячной реформой, что подтвердило мнение С. Б. Веселовского о противостоянии царя со «старым Государевым двором», противопоставлении ему «нового Опричного двора», который стал базой для борьбы Ивана Грозного с неугодными ему людьми из доопричного двора с целью укрепления единоличной власти⁵⁴. Развивая это предположение, нужно подчеркнуть значительное количество казненных земских дворовых, которые стали главной мишенью в расправах царя с недовольными его политикой, обвиненными в государственной измене, ставшими фигурантами в громких политических процессах. Террор как средство укрепления самодержавной власти царя имел кровавые последствия для истории Земского двора.

В годы опричнины, видимо, неслучайным было то, что члены одной семьи, близкие родственники служили раздельно, одни в опричнине, а другие в земщине. Очевидно, такая политика проводилась намеренно для того, чтобы внести раскол в дворянские роды, противопоставить представителей одной фамилии друг другу, внедрить конкуренцию, страх, недоверие, неприязнь и доношительство в личные и семейные отношения. Нередко дворовые утягивали за собой в опричнину своих родных, но так было не всегда. Близкие родственники видных опричников служили в земщине: Р. Д. Бутурлин, Л. Г. и Ф. Велины, Б. В. и И. Б. Воейковы, В. Д. Волынский, И. Д. Воронцов, М. В. Годунов, Г. Б. Меньшой Грязной, Б. Б. Захаров, И. Г. Зюзин, А. Я. Измайлов, А. Ф. Кашкаров, И. и С. Кузьминские, А. И. Мятлев, Ф. М. Панин, Ю. С. Пушечников, В. И. Бобрищев-Пушкин, И. П. Рясин, князь Д. Ю. Сицкий, Б. К. Таптыков, Г. Д. Темирев, князь Т. Р. Трубецкой, князь А. В. Тулупов, М. Е. и С. Е. Хитрово, Д. И. Черемисинов и др.

Основу Земского двора составили представители доопричного двора 1550–1565 годов, в первую очередь тысячники, возникшие благодаря реализации Тысячной реформы 1550 года. Из 832 земских дворовых «лучших слуг» было 286 человек (34,4%), сыновей и родных братьев тысячников 70 человек (8,4%). Всего среди дворовых тысячников и их родных, близких родственников насчитывалось 42,8%. Из 127 дьяков шестеро вышли из рядов тысячников⁵⁵, два человека⁵⁶ — это сыновья и родные братья тысячников.

Среди земцев встречаем 292 тысячника (30,4%), 72 (7,5%) сына и родных брата тысячников. «Лучшие слуги» и их близкие родственники составили около 40% от общей численности земских деятелей 1565–1572 годов. В действительности, в составе Земского двора родственников тысячников было гораздо больше, если учитывать не только самых близких, но и ближайших родичей и однородцев. Среди представителей фамилий, которые впервые добавились в состав Государева двора, можно насчитать лишь 208 человек (25%). Остальные 75% земцев были «лучшими слугами» либо их родными и родственниками⁵⁷.

О территориальной принадлежности земских деятелей можно судить на основании Тысячной книги, Дворовой тетради 1550-х годов (принимая во внимание, что после введения опричнины многие земцы подверглись земельным конфискациям и переселениям и впоследствии могли поменять место службы), а также информации из родных записей 1560-х — начала 1570-х годов.

<i>Новгород</i>	43 чел.
<i>Вязьма</i>	41 чел.
<i>Москва</i>	35 чел.
<i>Переславль</i>	33 чел.
<i>Можайск</i>	28 чел.
<i>Коломна</i>	23 чел.
<i>Рязань</i>	19 чел.
<i>Суздаль</i>	16 чел.
<i>Дмитров, Торжок</i>	по 14 чел.
<i>Бежецкий Верх</i>	13 чел.
<i>Кострома, Торопец</i>	по 12 чел.
<i>Кашин, Кашира, Муром</i>	по 11 чел.
<i>Юрьев</i>	10 чел.
<i>Белая, Ярославль</i>	по 9 чел.
<i>Владимир, Боровск, Ржева</i>	по 8 чел.
<i>Ростов, Дорогобуж, Руза</i>	по 7 чел.
<i>Козельск</i>	6 чел.
<i>Клин, Калуга, Тверь</i>	по 5 чел.
<i>Белоозеро, Тула, Углич, Таруса, Волок Ламский</i>	по 4 чел.
<i>Псков, Воротынский</i>	по 3 чел.
<i>Галич, Стародуб, Малый Ярославец, Мещевск,</i>	по 2 чел.
<i>Смоленск</i>	
<i>Зубцов, Старица, Ржева Пустая, Романов</i>	по 1 чел.

Из титулованной аристократии в Земском дворе наиболее многочисленными были Ярославские и Мосальские князья. Были представлены служилые князья, выходцы из корпораций Оболенских князей, княжеских родов Северо-Восточной Руси (по данным Тысячной книги и Дворовой тетради).

<i>Ярославские князья</i>	17 чел.
<i>Мосальские князья</i>	11 чел.
<i>Оболенские князья</i>	9 чел.
<i>Ростовские и Стародубские князья</i>	по 7 чел.
<i>Служилые князья</i>	5 чел.
<i>Суздальские князья</i>	3 чел.

В Земском дворе преобладали землевладельцы центральных (Московский, Переславский, Коломенский, Дмитровский), северо-западных (Новгород, Торопец) и западных (Вязьма, Можайск) уездов.

Среди городов, перечисленных в Дворовой тетради, откуда служили земцы, не находим Звенигорода, Белева, Пошехонья, Серпухова, Медыни. Если в первых трех городах корпорации дворовых были немногочисленными (в Пошехонье четыре человека, в Белеве три человека, в Звенигороде два человека), то отсутствие земских людей из Романова, Серпухова, Медыни вызвано какими-то особыми причинами. Не только земцев, но даже опричников не находим из Серпухова. Из этого города служило много Шишкиных, родственников А. Ф. Адашева. Они, видимо, попали в опалу еще в 1563 году и по этой причине перестали привлекаться к выполнению правительственных поручений. В начале марта 1563 года был арестован воевода Иван Федоров сын Шишкин, заподозренный в подготовке сдачи литовцам Стародуба. Через месяц он был казнен вместе с окольным Д. Ф. Адашевым и его сыном Тархом, П. И. Туровым (тестем Д. Ф. Адашева), воеводой А. П. Сатиным (шурином А. Ф. Адашева)⁵⁸. В Медыне (описанной писцами только в 1550–1553 годах) была испомещена литва дворовая, служебный статус которой был невысок. Из 77 медынцев в доопричном дворе служило только двое (В. М. Гагин Старого и Н. Ф. Ртицев)⁵⁹. В целом можно говорить о том, что Земский двор в 1565–1572 годах имел общерусский характер и объединял в себе служилую знать из всех городов Русского государства.

В преобладании в Земском дворе служилых людей из Великого Новгорода, Вязьмы, Можайска, Москвы, Коломны, Переславля не

было ничего особенного. Служилые корпорации этих уездов были наиболее многочисленными. В Вязьме сформировалась самая многочисленная служилая корпорация (в Дворовой тетради — 251 человек). В Дворовой тетради количество записанных в городские рубрики землевладельцев следующее: Дмитров (251 дворовой), Бежецкий Верх (226), Можайск (172), Торжок (168), Переславль (162), Кашин (161), Москва (152). В опричнине, так же как и в Земском дворе, было больше всего выходцев из Вязьмы и Новгорода (по 11 чел.), Переславля (10 чел.), Москвы, Коломны (по 7 чел.), Можайска (4 чел.)⁶⁰.

Среди населенных пунктов, откуда набиралась земщина, встречаются города, впоследствии включенные в опричнину: Вязьма, Можайск, Суздаль, Кострома, Ярославль, Ростов, Козельск и др. Можно согласиться с С. С. Печуро в мнении о происхождении большинства земцев из городов, оставшихся в земщине. Вопрос о масштабах опричных переселений земцев требует специального изучения и выходит за рамки данной статьи.

Традиционно главами земщины считаются князья И. Д. Бельский и И. Ф. Мстиславский, так как именно им Иван Грозный в начале февраля 1565 года «государство же свое московское, воинство и суд и управу и всякие дела земские приказал ведати и делати»⁶¹. После гибели князя И. Д. Бельского в Москве 24 мая 1571 года во время нашествия крымцев во главе с Девлет-Гиреем руководство земщиной перешло к князю И. Ф. Мстиславскому. Р. Г. Скрынников полагает, что одним из главных руководителей земщины был боярин И. П. Федоров, сославшись на сохранение им поста конюшего в годы опричнины и на сообщение Г. Штадена о его ключевой роли в столице как первого боярина и судьи во время отсутствия царя⁶². Время конюшества (руководства Конюшенным ведомством и Боярской думой) Федоровым — это спорный вопрос в историографии. А. А. Зимин доказывал, что И. П. Федоров перестал быть конюшим после мартовских событий 1553 года, связанных с болезнью царя и кризисом власти, и считал сообщение о конюшестве боярина в мае 1556 года в разрядных книгах недостоверным⁶³. Первое упоминание о том, что Федоров был конюшим и боярином, в летописи относится к июлю 1546 года, в Разрядах — к декабрю 1547 года⁶⁴. И. П. Федоров в опричные годы вплоть до своей смерти в документах прямо не назван конюшим. В январе 1564 года в послании царя митрополиту во время отъезда из Москвы в Алек-сандрову слободу были перечислены измены, за которые государь положил опалу «на бояр своих и на дворецкого и конюшего

и на окольных и на казначеев и на дьяков и на детей боярских». В феврале 1565 года государь приказал ведать земскими делами боярам, а «конюшему и дворотцкому и казначеем и дьяком и всем приказным людям велел быть по своим приказом и управу чинити по старине»⁶⁵. Здесь нет указаний на то, что конюшим был именно Федоров, хотя есть прямые свидетельства о существовании этой должности при учреждении опричнины.

В посольских книгах имя И. П. Федорова часто не стоит первым в ряду думцев. В феврале 1564 года, когда крымские гонцы прибыли в столицу, среди бояр, бывших на переговорах у государя, Иван Петрович находился на шестой позиции⁶⁶. В июне 1565 года во время приема ногайских послов в Москве Федоров записан пятым боярином «на приговоре у государя» после князей И. Д. Бельского, И. Ф. Мстиславского, И. И. Пронского, И. В. Большого Шереметева⁶⁷. В дипломатических документах России с Великим княжеством Литовским в конце июня 1566 года имя И. П. Федорова среди членов боярской комиссии было зафиксировано на третьем месте после князей И. Д. Бельского и И. Ф. Мстиславского⁶⁸. Однако в конце июня 1565 года, когда царь пребывал в Александровой слободе, именно И. П. Федоров с другими боярами принимал в столице крымских гонцов, а в сентябре 1565 года он же возглавлял боярскую комиссию для обороны Москвы от крымских татар и в январе 1566 года руководил с боярином Н. Р. Юрьевым обменом земель с князем В. А. Старицким⁶⁹. Поэтому вопрос о том, оставался ли Федоров конюшим в феврале 1565 года — сентябре 1568 года, остается открытым, но можно предполагать, что он занимал эту должность пожизненно вплоть до своей казни 11 сентября 1568 года.

В дипломатических источниках «боярином и воеводой наивысшим» в 1565–1566 годах назван князь И. Д. Бельский⁷⁰. В конце января — начале февраля 1570 года в Москве в отсутствие царя шведских послов встречала боярская комиссия, которую возглавлял князь И. Д. Бельский⁷¹. В конце мая 1571 года под руководством Бельского в столице земская боярская комиссия приняла приговор «о рубежах»⁷². Заметно, что князь И. Д. Бельский неизменно писался первым среди царских советников в Боярской думе, что подчеркивало высокий статус служилых князей Гедиминовичей при царском дворе.

Существует версия, впервые высказанная Н. М. Карамзиным, а затем поддержанная В. О. Ключевским и С. Н. Богатыревым, о том, что Симеон Касаевич, крещеный татарский хан, был главой зем-

щины⁷³. Это предположение берет свое начало из текста утраченной ныне Морозовской летописи графа Толстого, где говорилось о царе Иване Васильевиче в 1565 году: «Царство раздели на две части. Едину себе отдели, другую же царю Симеону Казанскому поручи. Сам же государь отъиде от единых малых градов в град зовомый Старицу и тамо жителствуя, а другую часть царя Симеона именована земщина». Следует разобраться с этим отрывком. О хане Симеоне Касаевиче известно, что он вскоре после введения опричнины 26 августа 1565 года умер⁷⁴. Удаление царя в Старицу, а не в Александрову слободу выглядит странным. Старица в январе-феврале 1565 года принадлежала князю Владимиру Андреевичу и лишь в начале 1566 года была у него выменяна государем. Симеона тогда уже не было в живых. Вероятно, приведенный летописный фрагмент появился много позже описываемых событий и был придуман задним числом. Автору было известно, что в 1575–1576 годах царем стал хан Симеон Бекбулатович, и, возможно, поэтому ему показалась заманчивой версия, согласно которой в 1565 году главой земщины был назначен другой крещеный хан Симеон Касаевич. При современной источниковой базе трудно выяснить, стоят ли за этой летописной версией достоверные факты.

Мы не можем разделить мнение А. А. Зимина о том, что татарский царевич Михаил Кайбулович возглавлял земскую Боярскую думу. Несмотря на то, что татарские царевичи, Чингизиды, начиная с 1557/1558 года регулярно назначались номинальными воеводами полков в действующей армии, по причине их очень высокого социального статуса они не были включены в структуры Государева двора, стояли вне их и в Боярскую думу не входили⁷⁵. Поэтому считать Чингизида, которому в 1571–1572 годах едва исполнилось 17 лет, даже номинальной главой земщины вряд ли корректно⁷⁶.

Следует попытаться реконструировать верхушку Земского двора, генеалогический состав чиновных групп, сравнить его с доопричным временем (1550–1565 годы)⁷⁷. В первую очередь мы будем опираться на работы А. А. Зимина о Боярской думе и дворцовых учреждениях⁷⁸, но внесем свои корректировки. В частности, спорным представляется приписывание к боярам А. И. Шеина (в апреле 1568 года), князя И. П. Шуйского (в сентябре 1572 года), князя В. А. Глинского (в сентябре 1572 года)⁷⁹. А. А. Зимин опирался только на так называемую Сокращенную редакцию разрядных книг — Разрядную книгу 1559–1605 годов (Синбирский сборник), в которой содержится много ошибок и неточностей⁸⁰. Более информативными

являются Государевы разряды и Частная (Пространная) редакция разрядных книг, представленная разрядной книгой 1475–1605 годов, которые не привлек А. А. Зимин⁸¹. В Частной редакции нет сведений о боярстве А. И. Шеина, а первые известия о боярстве князя И. П. Шуйского встречаются в апреле 1577 года⁸². Князь В. А. Глинский, которого нет в родословной князей Глинских, по всей видимости, это князь В. А. Сицкий. Данные о боярстве князя Ф. М. Трубецкого относятся не к 1568 году, как считал А. А. Зимин, а к лету 1570 года, когда он стал опричником⁸³. Кроме того, исследователь учел не всех окольных. Из его поля зрения выпали окольные Г. В. Собакин (с октября 1571 года), князь П. И. Татев (с осени 1572 года)⁸⁴. Окольным в марте 1569 года стал Д. А. Бутурлин, который вошел в опричнину не сразу, вопреки мнению А. А. Зиминой, а только с сентября 1570 года⁸⁵.

Принадлежность к опричнине В. М. Юрьева вызвала споры в научной литературе. Опираясь на свидетельство Пискаревского летописца (царь «по злых людей совету Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова и иных таких же, учиниша опришнину разделение земли и градом»), А. А. Зимин полагал, что Юрьев был включен в опричнину⁸⁶. В списке «земщиков» С. С. Печуро В. М. Юрьева нет. А. А. Зиминой в недавнее время поддержал С. Н. Богатырев⁸⁷. В. Б. Кобрин заметил, что нет фактов, указывающих на пребывание Юрьева в опричнине, но нет и надежных свидетельств принадлежности его к земщине⁸⁸. Р. Г. Скрынников считал В. М. Юрьева земским боярином⁸⁹. Следует согласиться с мнением Р. Г. Скрынникова. Во-первых, В. М. Юрьев в качестве земского боярина участвовал в работе Земского собора в июне 1566 года⁹⁰. Во-вторых, в переговорах с посланниками польской паны-рады в июне 1566 года — сентябре 1567 года он обозначался с титулом наместника Ржевского⁹¹. Ржева в опричнину не входила, лишь некоторые земли Ржевского уезда. В-третьих, до своей смерти 3 апреля 1567 года он нигде в источниках не упоминался опричником.

Ниже приведена реконструкция верхушки Земского двора. В скобках после фамилии стоит дата первого упоминания с думным или дворовым чином (на основе работ А. А. Зиминой, дополнительных источников).

Бояре

князь И. Д. Бельский (к 1565 году), князь И. Ф. Мстиславский (к 1565 году), И. П. Федоров (к 1565 году; боярин и конюший), князь П. М. Щенятев (к 1565 году), князь П. А. Булгаков-Куракин (к 1565 году), князь Ф. А. Булгаков-Куракин (к 1565 году), князь Д. А. Булгаков-Куракин (к 1565

году), князь А. И. Ногтев-Суздальский (к 1565 году), князь А. И. Катырев Ростовский (к 1565 году), В. Д. Данилов (к 1565 году), И. Я. Чеботов (к 1565 году), М. И. Волинский-Вороной (к 1565 году), И. М. Воронцов (к 1565 году), Ф. И. Колычев-Умной (к 1565 году), князь И. И. Пронский (к 1565 году), князь В. С. Серебряный (к 1565 году), князь П. С. Серебряный (к 1565 году), И. В. Большой Шереметев (к 1565 году), И. В. Меньшой Шереметев (к 1565 году), Я. А. Салтыков (к 1565 году), Л. А. Салтыков (к 1565 году), М. Я. Морозов (к 1565 году), П. В. Морозов (к 1565 году), В. В. Морозов (к 1565 году), В. Ю. Траханиотов (к 1565 году), Ф. И. Сукин (к 1565 году), И. П. Яковлев (к 1565 году), С. В. Яковлев (к 1565 году), В. М. Юрьев (к 1565 году), Н. Р. Юрьев (весна 1565 года), князь П. Д. Пронский (в апреле 1565 года), князь М. И. Воротынский (в сентябре 1565 года), князь И. А. Шуйский (в апреле 1566 года), В. С. Большой Собакин (в октябре 1571 года), В. Б. Сабуров (в сентябре 1572 года).

Окольничие

Д. Ф. Карпов (к 1565 году), М. М. Лыков (к 1565 году), М. М. Тучков (к 1565 году), А. А. Бутурлин (к 1565 году), И. И. Чулков (весной 1565 года), В. И. Колычев-Умной (летом 1565 года), Н. В. Борисов-Бороздин (в октябре 1565 года), М. И. Колычев (в апреле 1566 года), Д. А. Бутурлин (в марте 1569 года), Г. В. Собакин (в октябре 1571 года), В. С. Меньшой Собакин (весной 1572 года), Г. С. Собакин (весной 1572 года), князь П. И. Татев (осенью 1572 года).

Дворецкие

С. В. Яковлев (к 1565 году), Н. Р. Юрьев (к 1565 году), Л. А. Салтыков (в январе 1570 года), князь Ю. И. Токмаков (в апреле 1572 года).

Казначей

Н. А. Фуников Курцев (к 1565 году), Х. Ю. Тютин (к 1565 году), князь В. В. Литвинов-Мосальский (в декабре 1570 года).

Постельничие

Я. В. Волинский (до 1565 года), В. Ф. Наумов (в 1564/1565 году), С. С. Ярцев (в 1568/1569 году), Я. Д. Мансуров (в декабре 1572 года).

Печатники

И. М. Висковатый (к 1565 году), Б. И. Сукин (в 1570 году).

Кравчие

Ф. И. Салтыков (в 1570 году), К. В. Собакин (в 1571/1572 году).

Шатерничие

С. Т. Бунаков (в декабре 1572 года), Н. А. Тишков (в 1571 году).

Думный дьяк

А. Я. Щелкалов (летом 1572 года).

Стольники

Б. В. Благой (в декабре 1572 года рында), В. В. Благой (в декабре 1572 года рында), Ш. Ш. Благой (в декабре 1572 года рында), Л. Д. Бутурлин (весной 1572 года рында), И. М. Бутурлин (в 1565 году стольник), Ф. А. Бутурлин (в 1563 году стольник), Л. Г. Велин (в декабре 1572 года рында), князь И. М. Глинский (весной 1572 года рында), А. Т. Колтовский (в декабре 1572 года стольник), И. Г. Колтовский (в декабре 1572 года стольник), П. А. Колтовский (в декабре 1572 года стольник), Ю. П. Леонтьев (в декабре 1572 года рында), П. А. Нагой (в декабре 1572 года стольник), И. Ф. Нежежин (в декабре 1572 года рында), Г. С. Овцын (в декабре 1572 года стольник), М. С. Овцын (в декабре 1572 года стольник), Г. Г. Колычев-Лошаков (в 1566 году стольник), П. Г. Кобяков (в декабре 1572 года рында), В. К., Н. К., С. К., Ф. К. Канчевы (в декабре 1572 года рынды), Д. М. Писарев (в декабре 1572 года рында), В. Т. Плещеев (в декабре 1572 года рында), О. Т. Плещеев (в декабре 1572 года рында), Б. В. Собакин (в декабре 1572 года рында), С. В. Собакин (в декабре 1571 года стольник), князь А. В. Трубецкой (в декабре 1572 года рында), князь Т. Р. Трубецкой (весной 1572 года рында), князь А. В. Тулупов (в декабре 1572 года рында), князь Н. В. Тулупов (в декабре 1572 года рында), И. И. Меньшой Уваров (в декабре 1572 года рында), И. Т. Фустов (в декабре 1572 года рында).

Стряпчие

князь С. Н. Кропоткин (в декабре 1572 года), П. Р. Пивов (в декабре 1572 года), Р. М. Пивов (в декабре 1572 года).

Жильцы

А. К., М. Л., Ф. К., У. Н. Болотниковы (поддатни у рынд весной 1572 года), И. Б. и И. З. Воейковы (поддатни у рынд весной 1572 года), М. У. Микулин (поддатня весной 1572 года), А. Р., В. Р. и Ф. В. Милославские (поддатни у рынд весной 1572 года), А. И., И. И. и Т. С. Осорьины (поддатни у рынд весной 1572 года), Ф. М. Панин, Т. Ф. Панов (поддатни у рынд весной 1572 года), И. П. Татищев, М. Е. и С. Е. Хитрово (поддатни у рынд весной 1572 года).

В земщине чина оружничего, вероятно, не было. По данным А. А. Зимина, Л. А. Салтыков являлся оружничим до 1563/1564 года⁹². Р. Г. Скрынников считает, что Л. А. Салтыков подвергся опале тотчас после учреждения опричнины, вследствие чего лишился чина оружничего, который достался опричнику князю А. И. Вяземскому (оружничий к июню 1566 года)⁹³.

Среди раздач думных чинов членам Земского двора заметно временное прекращение пожалований после апреля 1566 года и

вплоть до осени 1571 года. Единственное исключение из этого правила — это имя окольного Д. А. Бутурлина, получившего чин в апреле 1569 года и вскоре перешедшего в опричнину. Правительство, возможно, препятствовало росту земской Боярской думы в связи со складыванием опричных ведомств со своим штатом служащих. Если в доопричный период безусловное лидерство среди носителей высших чинов было за князьями Гедиминовичами, Оболенскими и Суздальскими, из старомосковской знати за Юрьевыми-Захарьиными, Морозовыми, Ратшичами⁹⁴, то в Земском дворе господство за Гедиминовичами сохранилось (в изучаемый период в думе побывало шестеро бояр), но в целом сильно сократилось количество княжат Северо-Восточной Руси и потомков Черниговских князей. Из Суздальских князей земскими боярами являлись князь И. А. Шуйский и представитель младшей линии князь А. И. Ногтев. Из Оболенских князей — братья В. С. и П. С. Серебряные. Из Ростовских князей в земской Думе остался только один боярин (князь А. И. Катырев), из Стародубских князей один окольный (князь П. И. Татев). Из Ярославских и тверских княжат никого в Думе не было. Из Рязанских князей вышло двое земских бояр (И. Д. и П. Д. Пронские). Из служилых князей земскими деятелями являлись князья И. Д. Бельский, М. И. Воротынский, Ф. М. Трубецкой. Из старомосковской аристократии, как и раньше, значительное количество мест среди бояр и окольных удерживали Захарьины-Юрьевы и другие представители рода Кобылиных (всего из рода Андрея Кобылы семеро бояр и двое окольных), Морозовы (пятеро бояр и один окольный) и Ратшичи (двое бояр и двое окольных). В Думе не нашлось места для потомков Федора Бяконта (Плещеевых), Редеги, Всеволож-Заболоцких. Впервые в ряды думцев выдвинулись Собакины, что было связано со свадьбой царя Ивана Васильевича и Марфы Собакиной в октябре 1571 года. В Думе встречаем одного боярина и трех окольных, ближайших родственников царицы. Состав дворецких, казначеев и постельничих не сильно изменился по сравнению с доопричным временем и отличался стабильностью. О ясельничих, сокольничих и ловчих в земщине не сохранилось данных. В кравчие впервые попал К. В. Собакин, родственник царской супруги. Обновился состав шатерничих. Значительные изменения претерпел состав дворовых чинов стольников и жильцов. К сожалению, наши сведения о носителях этих чинов относятся к концу существования опричнины, к весне 1572 года, к декабрю 1572 года. Если в 1550–1565 годах среди

стольников господствовала княжеская знать и старомосковские роды, а среди жильцов представители фамилий, известных своей службой при дворе, то теперь бросается в глаза засилье новых худородных фамилий, впервые упоминаемых на службе в 1572 году. В чине стольников на фоне князей Трубецких, Тулуповых, Бутурлиных, Плещеевых, породнившихся с царем Собакиных и Колтовских, выделяются малоизвестные Благие, Овцыны, Канчевы. Среди жильцов находим Болотниковых, Хитрово, Воейковых, Паниных, Пановых, ранее ничем себя не проявивших. В дальнейшем представители этих худородных и бесцветных фамилий будут включены в Особый двор Ивана Грозного, сформировавшийся к концу февраля 1573 года. Не исключено, что формирование «особого двора» относится уже к декабрю 1572 года, к началу пайдинского похода⁹⁵.

Подводя итоги рассмотрения состава Земского двора во времена опричнины, следует отметить его генетическую связь с доопричным двором. Примерно 75% земских деятелей было представлено «лучшими слугами», их детьми, ближайшими родственниками. В своей основе Земский двор восходит к Тысячной реформе Государева двора 1550 года. Незначительная доля лиц, включенных в опричнину из Земского двора, говорит в пользу намеренного ограничения правительством путей формирования Опричного корпуса из земцев. Не заметно сознательного стремления выбирать кадры для Земского двора из уездов, взятых в опричную территорию, поскольку большинство земцев (не менее 75%) происходило из земских уездов. Земский двор по своему составу имел общегосударственный характер, в него входили служилые землевладельцы из подавляющего числа уездов страны. В рядах опричников находилось немало близких родственников земских дворовых, и водораздел между царским уделом и земщиной часто проходил через судьбы членов одной дворянской семьи, где родные братья могли служить в разных ведомствах — одни в опричном, другие в земском.

¹ ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 394–395; Корзинин А. Л. Земщина // Большая Российская энциклопедия: В 30 т. Т. 10. М., 2008. С. 457.

² Печуро С. С. Земские служилые люди в годы опричнины. (К постановке вопроса) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 28. М., 1970. С. 463–473.

³ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 475–477; Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 457–461; Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2009.

- ⁴ Печуро С. С. Земские служилые люди в годы опричнины...
- ⁵ Там же. С. 466.
- ⁶ Там же. С. 467.
- ⁷ Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропоника: Избранные труды. М., 2008. С. 118–128.
- ⁸ Там же. С. 15–16; Сухотин Л. М. К пересмотру вопроса об опричнине. Белград, 1935. С. 141.
- ⁹ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 131–135.
- ¹⁰ Там же. С. 222–224.
- ¹¹ Там же. С. 215.
- ¹² Там же. С. 231–232.
- ¹³ Там же. С. 132; Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. М., 1813. С. 533–545.
- ¹⁴ Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934. С. 38–39; Сочинения князя Андрея Курбского // Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб., 1914. С. 285.
- ¹⁵ Садилов П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 29; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 135–140; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 280–298; Флоря Б. Н. Иван Грозный. С. 228–229.
- ¹⁶ Торке Х.-Й. Так называемые земские соборы в России // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 5.
- ¹⁷ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 292, 294–295, 337, 354.
- ¹⁸ Богатырев С. Н. Ближняя дума в последней четверти XVI в. Часть вторая (1560–1570) // Археографический ежегодник за 1993 г. М., 1995. С. 100; Богатырев С. Н. Ближняя дума в третьей четверти XVI в. Часть третья: 1571–1572 гг. Заключение // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 80.
- ¹⁹ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 2. М., 1988. С. 167, 412; Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 9. СПб., 1821. С. 47, прим. 137.
- ²⁰ Аракчеев В. А. Опричнина и «земщина». К изучению административной практики в Русском государстве 1560–1580-х гг. // Российская история. 2010. № 1. С. 16–28; Аракчеев В. А. Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. М., 2014.
- ²¹ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 191–202.
- ²² Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). М.; СПб., 2016. С. 414–494.
- ²³ Русский дипломатарий / Отв. ред. А. В. Антонов. Вып. 10. М., 2004. С. 172–182; Корзинин А. Л. Земский собор 1566 г. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2011. Вып. 3. С. 11–23; Корзинин А. Л. Состав дворянства на Земском соборе 1566 г. Ч. 1 // Вестник Санкт-

- Петербургского университета. Сер. 2. История. 2012. Вып. 1. С. 3–22; *Корзинин А. Л.* Состав дворянства на Земском соборе 1566 г. Ч. 2 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2012. Вып. 2. С. 14–35.
- ²⁴ Русский дипломатарий. С. 54–56; *Бибиков Г. Н.* К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 14. М., 1941. С. 7–8; *Кобрин В. Б.* Опричина. Генеалогия. Антропоника. С. 14. А. А. Зимин не полагал возможным считать всех поручителей опричника-ми, лишь 12 из 58 (*Зимин А. А.* Опричина Ивана Грозного. С. 131–132).
- ²⁵ Русский дипломатарий. С. 37–54, 57–79.
- ²⁶ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 242, 257.
- ²⁷ Сборник Русского исторического общества. Т. 71. СПб., 1892. С. 204, 205, 208, 211, 216–219, 221–224.
- ²⁸ Русский дипломатарий. С. 173; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 380.
- ²⁹ Сборник Русского исторического общества. С. 181, 182, 199, 220, 225, 235; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 522, 554, 563.
- ³⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 353; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1982. С. 222.
- ³¹ Русский дипломатарий. С. 48–50.
- ³² Там же. С. 48, 54–56.
- ³³ Там же. С. 48, 58; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. М., 1981. С. 196; *Кобрин В. Б.* Опричина. Генеалогия. Антропоника. С. 91.
- ³⁴ Русский дипломатарий. С. 49, 50.
- ³⁵ Там же. С. 48–50.
- ³⁶ Список представителей Земского двора 1565–1572 годов будет размещен на сайте <http://russian-court.spbu.ru>.
- ³⁷ В. Т. Безобразов, Б. В., В. В. и И. Ш. Благие, С. Т. Бунаков, М. И. Вельяминов, князь И. Ф. Городецкий, В. К., Н. К., С. К. и Ф. К. Канчевы, Р. Клементьев, П. К. Кобяков, В. Г. Колемин, А. А., А. Т., И. Г., И. И. и П. А. Колтовские, князь С. Н. Кропоткин, Ю. П. Леонтьев, П. А. Нагой, И. Ф. Невежин, М. С. Овцын, П. Р. Пивов, Д. И. Писарев, В. Т., Н. А. и О. Т. Плещеевы, С. Д. Собакин, князь А. В. Трубецкой, князя И. В. и Н. В. Тулуповы, князь Р. А. Тюменский, И. И. Меньшой Уваров, И. Т. Фустов.
- ³⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 321, 322, 297, 323–324.
- ³⁹ В 1588/1589 годах в двор одновременно входило 1143 человека, в 1603/1604 годах — 1570 человек (*Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. С. 191–202; *Павлов А. П.* Государев двор и боярская аристократия в послесмутное время // Сословия, институты и государственная власть в России. Сб. статей памяти Л. В. Черепнина. М., 2010. С. 644).
- ⁴⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 395.
- ⁴¹ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 533.

- ⁴² Список опричников Ивана Грозного / Подг. текста Д. Н. Альшица // Рукописные памятники. Вып. 7. СПб., 2003. С. 96.
- ⁴³ П. В. Алферьев, князь В. И. Барбашин, Г. Н. и Н. В. Борисовы-Бороздины, князь П. И. Борятинский, Д. А. и Р. Д. Бутурлины, И. И. Бухарин, князь А. И. Вяземский, Ф. М. Меньшой Денисьев, В. М. Желнинский, Д. А. Замыцкий, князь Д. И. Засекин, Я. М. Змеев, князя И. С. и Ю. С. Козловские, В. И. и Ф. И. Умные-Колычевы, А. М. Старой Милюков, князь Н. Р. Одоевский, князя И. П. и Р. В. Охлябины, Р. М. Пивов, З. И. и И. И. Очины-Плещеевы, князя П. Д. и С. Д. Пронские, Л. А. Салтыков, А. Г. Совин, князя А. П. и В. И. Телятевские, князь Ф. М. Трубецкой, Н. В. Хитрово, князь А. П. Хованский, И. Я. Чеботов, Ф. С. Черемисинов, князь И. А. Шуйский, князя Д. М., И. М., О. М. Щербатовы.
- ⁴⁴ П. Григорьев, С. М. Митрофанов, Д. М. Пивов, П. Суворин.
- ⁴⁵ Помимо работы об опричниках В. Б. Кобриня нами привлечены собственные наблюдения над составом Опричного двора с новыми находками имен опричников, подробнее см.: *Корзинин А. Л.* Государев двор Русского государства в допричный период (1550–1565 гг.). С. 275–277.
- ⁴⁶ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 529–545.
- ⁴⁷ Князь П. М. Шенятев (в августе 1565 года), В. В. Морозов (в 1568 году), И. П. Федоров (в сентябре 1568 года), князь А. И. Катывев-Ростовский (в 1568 году), князь И. И. Пронский (в 1569 году), В. Д. Данилов (в 1570 году), князь П. С. Серебряный (в 1570 году), Л. А. Салтыков (в 1571 году), И. П. Яковлев (в 1571 году), С. В. Яковлев (в мае 1571 года), князь М. И. Воротынский (в июле 1573 года), М. Я. Морозов (в июле 1573 года), князь П. А. Булгаков-Куракин (осенью 1575 года).
- ⁴⁸ В. С. Большой Собакин, И. Я. Чеботов, И. В. Большой Шереметев (все в 1571 году).
- ⁴⁹ М. И. Колычев (в сентябре 1568 года), М. М. Лыков (в сентябре 1568 года), И. И. Чулков (осенью 1568 года), В. И. Умной-Колычев (в августе 1575 года), Н. В. Борисов-Бороздин (в ноябре 1575 года).
- ⁵⁰ Х. Ю. Тютин (после 22 марта 1568 года), Н. А. Курцев (25 июля 1570 года).
- ⁵¹ И. М. Висковатый (25 июля 1570 года).
- ⁵² Ф. И. Салтыков, К. В. Собакин (казнены в 1571–1574 годах).
- ⁵³ И. И. Бухарин, К. Ю. Дубровский, П. Р. Шестаков, И. Юмин (все — после ноября 1567 года), А. Н. Батанов, С. С. Алябьев, В. Г. Захаров, П. И. Шереметев (все — после 22 марта 1568 года), И. Г. Выродков (6 июня 1568 года), Б. Ростовцев (25 июля 1568 года), Я. Г. Захаров (9 октября 1569 года), В. И. Неелов (9 октября 1569 года), А. М. Бабкин, А. В. Безсонов, С. Иванов, И. Кузьмин, И. Матвеев, Ф. Д. Сырков (все — в декабре 1569 года — январе 1570 года), Ю. Сидоров (после января 1570 года), П. С. Цвиллинев (в начале июля 1570 года), М. С. Вислого (21 июля 1570 года), И. К. Булгаков, В. Степанов, Н. С. Цыплятев, Г. Ф. Шапкин (все — 25 июля 1570 года), И. Юрьев (в 1571 году), Д. М. Бартенева (в 1571 году).

- ⁵⁴ Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). С. 334–336, 347.
- ⁵⁵ И. А. Алексеев, А. В. Безсонов, И. Н. Дубенский, В. И. Неелов, Д. М. Пивов, А. Я. Щелкалов.
- ⁵⁶ С. С. Алябьев, Н. С. Цыплатев.
- ⁵⁷ Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). С. 285.
- ⁵⁸ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 158.
- ⁵⁹ Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). С. 426, 470.
- ⁶⁰ Подсчеты о территориальной принадлежности опричников произведены на основании сведений Тысячной книги и Дворовой тетради 1550-х годов.
- ⁶¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 395; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 226, 451, 459.
- ⁶² Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 211, 292, 312; Штаден Г. Записки о Московии. Т. 1. М., 2008. С. 71.
- ⁶³ Зимин А. А. Опричина Ивана Грозного. С. 178–189; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3. М., 1978. С. 509.
- ⁶⁴ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 27; Разрядная книга 1574–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1977. С. 343.
- ⁶⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 392, 395.
- ⁶⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 369об.
- ⁶⁷ Продолжение Древней Российской вивлиофики. Ч. 11. СПб., 1801. С. 139.
- ⁶⁸ Сборник Русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887. С. 380.
- ⁶⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 11. Л. 300–300об.; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 204; Сборник Русского исторического общества. Т. 71. С. 211, 222; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 420.
- ⁷⁰ Сборник Русского исторического общества. Т. 59. С. 311, 357.
- ⁷¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 129. СПб., 1910. С. 177.
- ⁷² Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 666.
- ⁷³ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 2. С. 47, прим. 137; С. 412; Богатырев С. Н. Ближняя дума в третьей четверти XVI в. С. 101.
- ⁷⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 398.
- ⁷⁵ Беляков А. В. Чингизиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 376–391.
- ⁷⁶ За высказанные ценные советы и информацию о положении при царском дворе Чингизидов в России во второй половине XVI в. приношу благодарность А. В. Белякову.
- ⁷⁷ Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). С. 230–249.
- ⁷⁸ Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1957. М., 1958. С. 41–81; Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // Исторические записки. Т. 63. М., 1958. С. 180–205.

- ⁷⁹ *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV–XVI вв. С. 74, 76.
- ⁸⁰ Синбирский сборник. Т. 1. М., 1844; Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974.
- ⁸¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 71; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 3. М., 1982.
- ⁸² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 222, 226, 230; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 3. С. 444.
- ⁸³ *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV–XVI вв. С. 74; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 261, 286.
- ⁸⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 287, 317.
- ⁸⁵ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 598; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 266, 272; *Кобрин В. Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропоника. С. 29.
- ⁸⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 190; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 90, 222, 382.
- ⁸⁷ *Богатырев С. Н.* Ближняя дума в последней четверти XVI в. С. 100.
- ⁸⁸ *Кобрин В. Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропоника. С. 96, 289.
- ⁸⁹ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 268.
- ⁹⁰ Русский дипломатарий. С. 173.
- ⁹¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 353, 531.
- ⁹² *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. С. 196.
- ⁹³ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 257; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 353, 431; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 222.
- ⁹⁴ *Корзинин А. Л.* Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). С. 232–233.
- ⁹⁵ Подробнее о составе Особого двора см.: *Корзинин А. Л.* К изучению Особого двора Ивана Грозного в 1573–1575 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики (в печати).